

Лев Чернец

Собачий Ключ

УДК 82-3
ББК 84-4
Ч-49

Чернец Л.

Ч-49 Собачий Ключ / Лев Чернец. – М.: Литнет, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-521-99268-3

Забивай на свою ипотеку и на этого негодяя-начальника. Всё это фигня. Твоя жизнь – это скучная серая масса. А потом к тебе подселается сосед. Неприятный тип, который ещё и воняет странно. Но он смотрит на тебя и видит. Всех твоих тараканов видит, все постыдные мысли. И ты понимаешь: этот урод тебя дико заводит. Потому что с ним можно перестать притворяться. Можно быть плохой. Можно сжечь красивую картинку к чертям.

В этом тексте вас ждёт: загадочный сосед-архивариус человеческих пороков – он коллекционирует тайны; героиня, уставшая быть жертвой – она нашла в себе силу стать королевой в королевстве грязи; затопленный посёлок как гигантская психологическая ловушка – отсюда не сбежать, можно только принять новые правила; абсурдный быт апокалипсиса – бартер пайками, дохлые барсуки на пороге и шашлыки из неизвестного мяса; галлюцинации в качестве лучшей подружки – когда сходить с ума удобнее, чем оставаться в здравом уме; чёрный юмор и острая сатира на общество потребления, разлагающееся при первом же потопе; и конечно... никакого хэппи-энда.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99268-3

© Литнет, 2026

© Чернец Л., 2026

Дисклеймер

Автор с удивлением констатирует, что вымышленный мир данной книги до жути напоминает реальный. Тем не менее, автор настаивает на том, что все персонажи — образы, порождённые его воображением, и любое сходство между ними и вами, вашим начальником или соседом является либо случайным, либо свидетельствует о вашей богатой фантазии. Все совпадения непреднамеренны.

Глава 1

Жизнь можно разрушить за секунду. Один хлопок дверцы «Гранты» – и твой идеальный мир, выстроенный с таким трудом, рассыпается к чертям.

Анна буквально услышала, как трескается ее выстроенная по линейке обыденность. Хрупкая, как нарощенные ногти.

Презентация, которую она вынашивала целый месяц, была растоптана одним равнодушным взглядом начальника. А проливной дождь, начавшийся еще на МКАДе, теперь заливал и ее будущее. Превращал его в беспросветное болото с ипотечной кабалой на пятнадцать лет вперед.

«Просто сказка, блин», – с горькой усмешкой подумала она, разжимая онемевшие пальцы.

Ключи впились в ладонь. Фраза усатого Сергея Петровича «Недостаточно инновационно, Анна Викторовна» жужжала в висках назойливым комаром.

Она потянулась к двери своего «райского гнёздышка» – так её мама, хвастаясь перед подругами, называла этот каркасник.

И тут ее взгляд, как обычно, зацепился за соседний участок.

Там, словно сопливый плевок на ухоженном лице коттеджного поселка, высился чёрный новодел, похожий на бетонный бункер. А на подъездной дорожке нагло стоял грязный микроавтобус. Матово-чёрный, с московскими номерами и кричащей провинциальной наклейкой на заднем стекле: «Я ♥ Кострому».

Анна мысленно фыркнула, ощущая волну раздражения. Мир этих провинциальных мужчин был ей так далек...

Она уже взялась за дверную ручку, когда сзади раздался пронзительный визг. Почти человеческий. Полный то ли непонятной радости, то ли отчаяния. Анна вздрогнула и обернулась. Из-за угла бетонного монстра выскочила высокая тощая псина, результат

спаривания гончей и диванной подушки. Это существо неопределённого окраса мчалось прямо на нее.

– Нет! Отстань! – взмолилась Анна, исполняя тычок каблуком, но было поздно. Лапы, вывалянные в особенно чёрной и липкой грязи, щедро разукрасили её бежевое пальто от Massimo Dutti новым «авангардным» узором. Дорогой утренний образ был безнадежно испорчен.

– Цыц! К ноге! – раздался за спиной гнусавый приказ.

Анна медленно повернулась, сдерживая содрогание. Из соседского дома выкатился ОН. Низенький, в растрёпанной застиранной толстовке, от которой тянуло странным сладковато-разлагающимся запахом. Капюшон был надет, хотя солнца уже не было. Очки с толстыми линзами делали его глаза двумя огромными, невыразительными пузырями. Сальные волосы липли ко лбу, а на бледных, почти фарфоровых щеках лежали два четких пятна румянца, словно нарисованные кукольных дел мастером. Он нервно двигал челюстью и смотрел куда-то мимо нее, но Анна чувствовала кожей – он видит её всю. Насквозь.

Собака мгновенно сменила истерику на подобоострастие и юркнула ему за ноги, странно косясь на Анну своими почти разумными глазами.

– Здравствуйте, Анна, – пробурчал он, не глядя ей в лицо. Его взгляд скользнул по её испачканному пальто и замер где-то в районе ключицы. – Я вам компенсирую химчистку. Или... предложу альтернативную форму компенсации.

«Озабоченный урод!» – пронеслось в голове. Анна резко повернулась, чтобы уйти, и лишь тогда, сквозь зубы, процедила: – Не надо...

– Кстати, ваши сорняки вдоль забора засохли. Земля здесь пустая, соль выедена. Фосфора не хватило, – снова раздался этот противный, но на удивление знающий голос.

Анна, не оборачиваясь, рывком открыла свою дверь и захлопнула ее так, что с полки в прихожей посыпались визитки с её глянцевым

именем. Она прислонилась к косяку, уши покраснели от возмущения. Хам! Урод! Атомный скуф!

Она ненавидела его уродливый дом-бункер, его мерзкую собачонку, его сальные волосы. Этот человек был воплощением всего, чего она так тщательно вымарывала из своей жизни.

Но под грудой усталости, злости и отвращения копошилось что-то другое. Что-то стыдное. Что-то щемящее.

Её предательски тянуло к этому бледному, неприятному человеку, чтобы снова вдохнуть этот отвратительный запах, чтобы понять, что же он знает такого, что позволяет ему смотреть на неё свысока.

«Чёрт, – подумала она, сползая по стене. – Так же омерзительно-приятно, как давить прыщи».

А где-то в бетонном бункере в это время низенький человек в толстовке едва заметно ухмыльнулся, он отлично видел, как она хлопнула дверью, и чувствовал её ярость.

Часы показывали половину третьего.

Анна ворочалась в постели, пытаясь утонуть в бездушном сиянии смартфона. Лента Нельзиграма была бесконечной вереницей чужих улыбок, чужих успехов, чужой идеальной жизни – ровно та же тоска, что и у неё, только тщательно отфильтрованная и отретушированная. Она уже почти провалилась в сон, когда осознала – слишком тихо.

Не благословенная ночная тишина привлекла её внимание, а совсем другая. Глубокая. Густая. Давящая. Будто всё вокруг – и её дом, и весь посёлок, и даже весь мир – замерло, перестав существовать.

И в этой звенящей, мёртвой пустоте ей почудилось, будто скрипнула калитка. Или это был просто шорох ветки? Звук был медленным, тягучим – так, будто её отворяла не человеческая рука.

Ледяная струя страха пробежала по спине. Анна крадучись добралась к окну и приоткрыла штору на сантиметр.

Лунный свет, бледный и обманчивый, заливал палисадник и уродливый чёрный бункер напротив. Всмотревшись, она заметила на ли-

нии, где тень от его дома резала лужайку, смутную фигуру. Или это просто столб? Куст? Игра света?

Фигура стояла неподвижно, лицом к её дому. Капюшон. Руки в карманах. И тут из тени вышла Боня – но не та визгливая дневная истеричка. Её поза была царственной, голова высоко поднята, а в темноте горели две тусклые зеленоватые точки. «Просто отблеск от фонаря, – тут же попыталась убедить себя Анна. – Просто отблеск...»

Анну пронзил спазм животного, первобытного страха, сковав плечи. Она отшатнулась от окна, прижалась спиной к холодной стене. «Бред. Игра света, я просто переутомилась», – пыталась она убедить себя, но её тело, её нутро не верило. Оно знало – там, снаружи, что-то нелюдское. Что-то пугающее.

Дрожащими руками она снова отодвинула штору. Рискнула взглянуть одним глазом.

Соседа не было, но Боня сидела прямо перед её окном! Метрах в трёх! Она смотрела прямо на неё. Сквозь стекло, сквозь темноту, сквозь шторы. Казалось, она видит каждый её испуганный мускул, слышит каждый стук её сердца. Собака медленно, почти демонстративно облизнулась, и Анна услышала... Слова, возникшие прямо в её сознании, чёткие, ледяные и безжалостные: «Спокойной ночи, стерва».

Включив весь свет в доме, Анна просидела на полу почти до самого утра. Пока наконец не отключилась, не помня себя от усталости.

Наутро её разбудил протяжный, унижительный рёв. Не будильника, а «болгарки-убийцы», как мысленно окрестила её Анна. Этот звук добивал последние остатки сна, последние крошки её душевного покоя.

«Так, всё! Я его убью! Оденусь и убью!» – прошипела она себе под нос, натягивая первое, что попало под руку, – старые треники, растянутый свитер, новенькие «Найки». Она не собиралась разговаривать. Она шла на войну.

Сосед стоял спиной, сражаясь с куском ржавой арматуры. Все тот же нелепый ботаник в очках, но от него исходила аура такой немой, сосредоточенной ярости, что по коже бежали мурашки.

– Эй! – крикнула Анна, распахивая дверь. Её голос потонул в рёве инструмента.

Она соскользнула ногой во что-то вязкое. Кексик собачьего дерьма! Идеальный финал к её утреннему кошмару. Венец всему!

Он обернулся. За стеклами очков его глаза были по-прежнему огромными.

– Вы что, не в курсе, что у нормальных людей до девяти утра – тихий час?! – выпалила она, вся сотрясаясь от гнева.

Он отпустил курок болгарки. Наступила блаженная, оглушительная тишина.

– Это не тихий час, – поправил он гнусаво. – Это арматура. Она мне мешает. А спать должны те, у кого нет ипотечных проблем.

Анна ощутила, как её лицо пылает. Откуда он знает?! Это была настоящая пытка. Целенаправленное, жестокое вторжение в её личную жизнь.

– Вы вообще в курсе, что существуют правила общежития?! – прошипела она, подходя так близко, что разглядела каждую чешуйку перхоти на его толстовке и снова вдохнула тот сладковато-тленный запах. Он был, как самый настоящий наркотик.

Он наклонил голову набок, и на его губах дрогнула едва заметная, победоносная улыбочка.

– Общежитие – это там, где общее житие. А тут – частное. Моё. – Он сделал шаг навстречу, и Анна инстинктивно отпрянула. Сердце заколотилось в бешеном ритме. – Я могу резать. Могу копать. Могу, например, сначала всё здесь порезать, а потом ночью закапывать...

Его взгляд скользнул по её телу, и ей стало противно. Он был склизким гадом, но он был сильным, а она словно воздушное безе, так устала казаться сильной всегда и во всем.

– Вы неменяемый, – выдохнула она, отступая и чувствуя, как предательская теплота разливается по низу живота.

– Зато у меня нет дерьма на обуви! – парировал он, вновь понимая болгарку.

– Что?! – возмутилась Анна. – Да это же ваша псина наложила кучу! Вчера! Вы как смеее выгуливать её на моём участке? Уберите немедленно!

– Во-первых, я не выгуливал, – отрезал он. – А, во-вторых, Боня не пёс, а сучка!

Он снова нажал на курок. Визг, казалось, стал ещё громче, ещё наглее. Он выгонял её. Унижал. И она прекрасно это понимала.

Анна вернулась в дом и опустилась на кухонный стул, глупо уставившись в одну точку. Болгарка орала, разрезая не только арматуру. Она резала её принципы, её аккуратно выстроенную, такую правильную и такую безвоздушную жизнь.

И самое ужасное, самое постыдное было в том, что где-то глубоко внутри, в потаённом тёмном уголке её души, ей... нравился этот адский вой. Потому что он был голосом настоящего, живого хаоса. Голосом того, кто ничего не боится. И того, кто заметил. Всё. Её засохшие сорняки. Её ипотеку. Её одиночество. И даже дерьмо на её обуви!

Она сидела и слушала, как он своим инструментом методично разрушает её старый, надоевший мир. И понимала, что проиграла эту войну, ещё не сделав ни одного выстрела.

Визг болгарки за стеной неожиданно стих. Взгляд Анны вдруг упал на ноги. Она всё ещё была в тех кроссовках, в которых выскочила на улицу. Кошмар!

«Что за странная история? – с тоской подумала она. – Хотела бы я закончить её здесь и сейчас!»

Но она не знала, что ИСТОРИЯ только начиналась. История с привкусом тайны и собачьего говна.

Глава 2

Посёлок «Еловая Роща» был спланирован с той простотой, с которой питекантроп рисует на камне свой быт. Две главные улицы – Мишистая и Кедровая – рассекали пространство правильным крестом, образуя четыре аккуратных сектора.

Дома побогаче вальяжно раскинулись в самом сердце, на перекрёстке. Им было дозволено щеголять претенциозной готикой или подражать швейцарским шале.

А вот дом Анны и угрюмый бетонный бункер Влада ютились на самом краю, там, где Кедровая улица упиралась в лесную чащу. Здесь асфальт заканчивался, и начинались грунтовые дороги, превращавшиеся после малейшего дождичка в непролазное месиво.

Планировка «Еловой Рощи» была обманчива. Узкие улочки, казалось, просматривались насквозь, но агрессивные туи и разлапистые ели создавали десятки укромных уголков.

Дома стояли на разном удалении от дороги; одни – напоказ, другие – стыдливо прячась в зелени. Возникало стойкое ощущение, что ты видишь ровно столько, сколько тебе позволено.

А по окраинам, словно позабытые грехи, маячили несколько старых советских развалюх. Они формально числились за посёлком, но были его бросовой частью. Их просто оставили доживать, и теперь они неспешно разрушались.

И за всем этим богатством – и нарядными домами, и скромными, и умирающими развалюхами – с отеческой назойливостью приглядывал Роберт Борисович. Председатель их ТСЖ.

Он был человеком с синдромом вахтёра. Человеком маленьких, бессмысленных правил, тех, что рождаются от избытка свободного времени и недостатка настоящей власти.

Поджарый, как пружина, он патрулировал улицы на велосипеде с грязевой резиной. Анна уже успела получить от него «вежливое»